

© *Луговцев Ю.М.*

Луговцев Ю.М. – соискатель кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

УДК: 321.64:303.732.4

ТИРАНИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ: СИСТЕМНАЯ СПЕЦИФИКА

В статье формулируются формальные определения тирании и тоталитаризма с помощью языка тернарного описания. Выводятся существенные системные признаки данных систем.

Ключевые слова: система, тирания, тоталитаризм, параметр.

ТИРАНИЯ І ТОТАЛІТАРИЗМ: СИСТЕМНА СПЕЦИФІКА

У статті формулюються формальні визначення тиранії і тоталітаризму за допомогою мови тернарного описання. Виводяться істотні системні ознаки даних систем.

Ключеві слова: система, тиранія, тоталітаризм, параметр.

TYRANNY AND TOTALITARIANISM: SYSTEM SPECIFICS

In this article we give formal definitions of tyranny and totalitarianism with the ternary description language. The essential system of qualities of these systems are deduced.

Keywords: system, tyranny, totalitarianism, parameter.

Уже ни один десяток лет в политической науке не умолкают оживлённые дискуссии о природе тоталитаризма (См.: [1], [2], [3], [3]). Одна из целей этих дискуссий – выделение сущностных характеристик и даже «построение теории» тоталитаризма. Украинский политолог М.В. Чабанна отмечает, что «разработка теории тоталитаризма, определения его существенных признаков и изучение конкретных режимов даёт возможность найти адекватные критерии для сравнения разных его моделей» [5, с. 13].

Изучение разных моделей тоталитаризма невозможно до тех пор, пока не будет дано относительно строгое общее определение данного типа социальной системы и не будут эксплицитно представлены его именно системные признаки. При этом примем во внимание, что всякий, кто описывает тоталитаризм, строит его модель, но всякая модель объекта предполагает его системное представление.

Попытки описать характеристики тоталитаризма на эмпирическом уровне в политологии неоднократно предпринимались. Рассмотрим те из них, где эти характеристики представлены наиболее чётко.

Р. Арон в своей работе «Тоталитаризма и демократия» сформулировал следующие признаки тоталитаризма:

- 1) монополия одной, революционно настроенной партии на власть;
- 2) слияние партии и государства;
- 3) государственный контроль над средствами массовой информации;
- 4) ограничение общественных дискуссий и навязывание единой идеологии – идеологии монополизировавшей власть партии;
- 5) политизация и идеологизация общества;
- 6) применение систематического насилия над подвластными;
- 7) тотальное огосударствление экономической сферы.

По мнению Арона, главная отличительная особенность тоталитарного государства состоит в том, что оно является однопартийной системой [6, с. 27-34, 102-116].

Во многом сходные (и столь же эмпирически обнаруженные) признаки тоталитарного государства указывает американский политолог М. Кертис [5, с. 12]:

- 1) наличие официальной идеологии, призванной построить новый социальный порядок и создать новый тип личности;
- 2) монополия одной политической партии на осуществление тотального контроля над обществом, террор, всеохватывающий конформизм;
- 3) иерархическая однопартийная система;
- 4) превалирование общественных интересов;
- 5) централизация власти, отсутствие оппозиции, недопущение инакомыслия;
- 6) неподконтрольность власти обществу;

- 7) партийно-государственный контроль над средствами массовой информации и системой образования;
- 8) отсутствие свободных выборов;
- 9) партийно-государственный контроль над армией и вооружением;
- 10) отказ гражданам в праве свободно выезжать за границу;
- 11) наличие централизованной плановой экономики.

Известный советолог профессор Лондонского университета Л. Шапиро к этим признакам добавляет такие [5, с. 12]:

- 1) наличие фигуры вождя;
- 2) контроль над личностью и моралью;
- 3) постоянная мобилизация населения для достижения поставленных властью целей;
- 4) легитимность режима и поддержка его массами.

Обилие признаков и то обстоятельство, что за указанными признаками явно просматриваются наблюдения над конкретными случаями тоталитарных режимов XX столетия, заставляет обратиться к обобщению и к поискам среди всех этих характеристик основных и наиболее существенных. По-видимому, этим путем пошли американские политологи К. Фридман и З. Бжезинский, но особого эффекта, как нам представляется, не достигли. Они указали шесть главных, по их мнению, признаков тоталитарного государства [7, с. 10-11]. Это:

- 1) единая всеобъемлющая идеология, на которой построена политическая система общества;
- 2) монополия на власть одной политической партии, как правило, возглавляемой диктатором;
- 3) система террористического полицейского контроля;
- 4) проникновение государства во все сферы общественной жизни;
- 5) всесторонний контроль над средствами массовой информации и вооружёнными силами;
- б) централизованный контроль над экономикой и система бюрократического управления экономической деятельностью.

Первое, что бросается в глаза в представленных экспликациях, это их избыточность и дескриптивность. Как следствие такой дескриптивности, данные признаки трудно назвать независимыми друг от друга. В частности, если взять экспликацию Фридмана и Бжезинского, то разве не следует первый признак из второго, а второй – из третьего? И разве не являются все признаки следствием из четвертого? Тогда, может быть, только его и следовало сохранить?

Приблизительно то же можно сказать и об экспликации Кертиса, которая не менее избыточна, чем экспликация Фридмана и Бжезинского.

В-вторых, нельзя согласиться с Ароном, что отличительным признаком только тоталитарного режима является его однопартийность. Политологи отмечают, что и авторитарные режимы также могут быть однопартийными [8, с. 170].

Является ли существенным признаком тоталитарного режима то, что указано Шапиро – неперенное наличие фигуры вождя? Здесь вопрос ещё и в том, кого вообще можно считать вождём, и по каким признакам это определяется. Был ли Пётр I вождём в том же, смысле, в каком, например, был Сталин? Скорее, да, чем нет. Однако Российскую империю периода Петра I тоталитарным государством почему-то никто не называет. Что касается признаков 2, 3, 4, обозначенных Шапиро, то почему их надо считать главными, а не второстепенными – разве они ни не могут быть в той или иной мере присущи и не только тоталитарным режимам?

Обращает на себя внимание, конечно, и то, что почти ни одна экспликация не обходится без слова «система», но ни в одной из них оно не стало ключевым понятием, которое можно было бы использовать в качестве родового в определении «*per genus proximum et differentiam specificam*» («через ближайший род и видовое отличие»). Авторы не уточняют смысл соответствующего понятия, пользуются словом в неопределённом смысле. Никем даже не был поставлен вопрос, могут ли существовать тоталитарные системы за пределами социальных отношений. Иначе говоря, возможность методологического анализа оказывается упущенной. Остаётся открытым и вопрос о наиболее существенных признаках, из которых остальные могли бы быть выведены как следствия.

Между тем в общей параметрической теории систем понятие тоталитаризма в своё время определялось. Так, А. Ю. Цофнас, говорит о предельно тоталитарной системе как такой, в которой отношения системы в целом выполняются на всех её подсистемах (элементах) [9, с. 44]. То есть подсистемы имеют ту же структуру, что и система в целом. В качестве таких элементов в первую очередь выступают все государственные институты. Однако и другие организации, в той мере, в какой государство их втягивает в свою систему управления, обретают ту же структуру.

Если ориентироваться на тот же образец, который служил наглядным примером для всех выше упомянутых авторов, то следовало бы вспомнить, что в Советском Союзе и сама единственная партия, и все государственно-хозяйственные организации строились по так называемому принципу «демократического централизма». Но точно также строились и все образовательные учреждения (школы, вузы и др.), и учреждения культуры (творческие союзы, в том числе), и детские организации (этим, кстати, отличалась пионерская организация от скаутов), и организации граждан по месту жительства.

Формально данное определение записывается так:

$$(IA) \text{Тоталитарная система} =_{def} (IA) \{ \{ (IA[(*IA)])t \} \rightarrow ([IA(*IA)])t \} \quad (1)$$

(В ЯТО IA означает «произвольный подобъект», в нашем случае – это интерпретируется как произвольная подсистема).

Прочитаем это определение. Здесь сказано, что произвольная вещь является тоталитарной системой (по определению), если её представление в виде системы тем самым предполагает, что любая её подсистема имеет ту же структуру относительно того же концепта, что и система в целом. Поскольку в тоталитарной системе каждый элемент обладает свойствами системы в целом, она как бы моделирует сама себя. Поэтому такие системы называют ещё *автомодельными*. Можно сказать, что подсистемы тоталитарной системы *автомодельны*.

Отметим ещё раз, что не только собственно политические подсистемы, но и иные «подобъекты» при тоталитарном режиме стремятся обрести вид системы в целом. Неполитические объединения политизируются, обретая вид и характер политических организаций. Так было в СССР, точно так же выглядит политический строй и в Северной Корее. В гитлеровской Германии различные общественные объединения обретали те же характеристики, что и слившаяся с государством правящая партия. Фюреры, например, были и в системе управления вузами.

Если данный признак считать существенным, то легко убедиться, что все эмпирические признаки тоталитаризма, обнаруженные авторами, анализировавшими явление тоталитаризма, либо являются следствиями этого признака, либо сопутствуют ему, так сказать, факультативно.

Отсюда, в частности, следует, что тоталитаризм не является феноменом лишь XX века. Таким образом, в дискуссии на эту тему привносится решающий аргумент. Из определения 1, например, следует и то, что царский режим в России, как и режимы многих других европейских монархий Нового времени, под определение тоталитаризма не уместаются. С другой стороны, то, что называют «исламским государством», если брать его «в чистом виде», более или менее этому определению соответствует.

Общая параметрическая теория систем позволяет поставить вопрос и шире. Встречаются ли тоталитарные системы за пределами политических отношений? Определение позволяет ответить на этот вопрос положительно. Такие системы характерны, например, для регулярной армии. Это само по себе уже наводит на некоторые размышления. Армия, в частности, более или менее успешно решает задачи разрушения, но мало приспособлена для созидания. Нельзя ли сделать вывод о том, что тоталитарные политические системы также оказываются наиболее эффективными в условиях войн – ведь известно, что любая воюющая страна ограничивает всяческие демократические свободы. В то же время тоталитарный режим, как и армия, плохо решает созидательные задачи – примеры этому те же Советский Союз или Северная Корея.

Если теперь воспользоваться системными закономерностями, то можно обратить внимание на то, что тоталитарные системы коррелируют с параметром *субстратной гомогенности* [10, с. 52]. И действительно, неоднократно обращалось внимание на то, что всякая тоталитарная система стремится к унификации своего субстрата. Поскольку каждая её подсистема устроена так же, как и система в целом, то дело доходит до стремления к унификации отдельных граждан. Примечательно, что после книги Г. Маркузе [11] в политологический оборот вошло понятие «одномерный человек». Можно теперь заключить, что эта характеристика в первую очередь характерна именно для тоталитарного государства – вывод, который сам Маркузе не делал. Средством достижения этого является, в частности, интенсивное внедрение в массы единой идеологии. Тоталитарная система, согласно определению, является также *гомогенной и по структуре*. Однако ещё раз обратим внимание на то, что гомогенные системы нежизнеспособны [9, с. 54]. Одна из причин крушения тоталитарных государств заключается в их гомогенности.

Из определения (1) также следует, что тоталитарная система обладает параметром *гомеомерности*: структура её подсистем совпадает со структурой системы в целом [12, с. 51]. Между тем данный параметр устойчиво коррелирует с признаком *неминимальности* [12, с. 52]. Неминимальная система – это такая система, которая допускает удаление тех или иных элементов без разрушения системы в целом. Именно неминимальность делает тоталитарную систему устойчивой перед угрозой потери тех или иных элементов. Это объясняет, почему в случае, военных конфликтов тоталитарная модель управления оказывается эффективной (СССР в период Второй мировой войны; вообще, тоталитарные режимы, как свидетельствуют многочисленные наблюдения, чрезвычайно воинственны).

Тоталитарная система стремится к максимальной *целостности* – и в смысле полноты и завершенности, и, главное, в смысле максимальной степени связности (когерентности) своих элементов. Высокая же степень целостности тоталитарных систем опять-таки указывает на их нежизнеспособность – избыточная целостность тоталитарных систем обуславливает низкие возможности их естественного развития, поскольку системы с предельной степенью целостности такую возможность утрачивают [13, с. 234-240].

Определение (1) предполагает также, что ещё одной естественной характеристикой таких систем является их *иерархичность*: системы имеют подсистемы с аналогичной структурой, которые, в свою очередь имеют аналогичные подсистемы. Наличие такого свойства тоталитарных систем отмечается и политологами, в частности, американским политологом Кертисом [5, с. 12].

Какие следствия из этого можно извлечь с помощью ОПТС? Существует интересная закономерность, согласно которой иерархическая система, как правило, является *невариативной* [14, с. 20]. Система является невариативной в том случае, если она стремится исключить любые отношения, отличные от системообразующих [10, с. 175]. Этот признак указывает на границы эффективности тоталитарных систем. Они, как правило, эффективны, когда требуется что-либо разрушить. Например, партия ленинского типа успешно справлялась с революционной, т.е. с разрушительной, задачей. Но созидательные задачи она решала плохо – именно в силу невариативности, негибкости в меняющихся экономических и иных условиях. Кроме того, этот признак указывает и на стремление системы к гомогенности.

Понятие тоталитаризма нередко отождествляют с понятием тирании (диктатуры) [15], [5]. Как было отмечено выше, Шапиро, Фридман и Бжезинский полагали, что наличие фигуры вождя-диктатора является обязательным для тоталитарного государства. Однако из сформулированного определения тоталитарной системы это не следует. По-видимому, нужно отличать тиранию (деспотическое, диктаторское государство) от тоталитарного.

В ОПТС есть определение понятия тоталитарной системы, данное А. И. Уёмовым. Оно отличается от определения (1), и, как нам представляется, больше подходит для определения именно деспотической политической системы.

Если исходить из определения Уёмова, в системе диктаторского типа все системообразующие отношения определяются её концептом [16, с. 146]. Смысл концепта приблизительно такой: «Я решил!». Именно так тиран подходит к управлению государством. Как отмечали ещё Платон и Аристотель, в таком государстве все отношения выстраиваются так, как того хочет правитель, по его произволу [17, с. 316-320], [18, с. 505].

В ЯТО данное определение принимает такой вид:

$$(tA)_{\text{Деспотическая система}} =_{\text{def}} (tA) \{ \{ ([a(*tA)])t \} \bullet \{ t \rightarrow [A(*tA)] \} \} \quad (3.2)$$

Из определения видно, что концепт предполагает возможность любой (по выбору тирана) структуры. В качестве элементов тиранической системы могут выступать как различные институты и организации (если они есть), так и граждане.

Из сказанного несложно сделать вывод, что деспотическая система стремится быть *центрированной*. В центрированной системе присутствует элемент, посредством которого осуществляются системообразующие отношения любых других элементов [10, с. 163-164].

Для политологии небезынтересно и то, что наличие признака центрированности в диктаторских системах, согласно ОПТС, закономерно коррелирует с параметром *невсецелонадёжности* [10, с. 183]. В невсецелонадёжной системе всегда существует некоторое количество элементов, изъятие которых приводит к уничтожению системы как таковой. В одних случаях это количество известно, в других – нет. Что касается тирании, то она, как правило, разрушается с устранением диктатора (падение Египта после смерти Клеопатры, крушение Третьего

Рейха и т.д.).

В свою очередь, параметр невсёцелонадёжности, согласно ещё одной системной закономерности, коррелирует с параметром *нестабильности* [10, с. 183]. Нестабильные системы – это такие системы, которые не допускают каких-либо изменений в структуре без уничтожения системы в целом. Данный параметр указывает на негибкость тиранической системы. Она неспособна изменять свою структуру под влиянием тех или иных внутренних или внешних вызовов, вследствие чего в определённый момент обнаруживает свою неэффективность. Любопытно, что и тоталитарная система очевидным образом обнаруживает свою нестабильность. Возможно, поэтому она так близка к деспотическому режиму – до такой степени, что их часто отождествляют.

Многие и другие системные характеристики деспотии совпадают с системными признаками тоталитарной системы, что и приводит к их указанному смешению. Однако требуется дополнительное системно-политологическое исследование, чтобы прийти к выводу о том, что *тирания всегда* тоталитарна. Пока же заметим, что тоталитаризм, как отмечалось, связан с растущей степенью целостности (целостность – это линейный параметр), а потому тоталитаризм может иметь различные степени. В качестве рабочей гипотезы можно принять, что чем выше целостность, тем ближе тоталитарная система приближается к тирании. Во всяком случае, Советское государство максимально приблизилось к тирании к концу 30-х годов, когда отчетливо оформилась растущая целостность режима.

С другой стороны, нельзя сказать, что всякая тоталитарная система всегда является диктаторской. В частности, Советский Союз в сталинский период являлся одновременно и тоталитарным, и деспотическим государством. Но затем, после естественной убыли центрального элемента, какое-то время сохранялись лишь тоталитарные характеристики режима.

Таким образом, системное представление и определение понятий тоталитаризма и тирании позволяют избежать избыточности некоторых признаков словесных определений, имеющих по преимуществу эмпирически дескриптивный характер. Как представляется, определения данных понятий через понятие системы, как и указание соответствующих системных признаков данных политических режимов, позволяют точнее выразить их специфику и избежать недоразумений при использовании терминов. Указание системных параметров этих систем и обращение к соответствующим системным закономерностям позволяет сделать обоснованные заключения относительно жизнеспособности данных режимов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арэнд Х. Вирус тоталитаризма / Х. Арэнд // Новое время. — 1991. — №11. — С. 40—42.
2. Андерсон Р.Д. Тоталитаризм: концепт или идеология? / Р.Д. Андерсон // Полис. — 1993. — № 3. — С. 98—107.
3. Климчук В. Эстетика тоталітаризму / В. Климчук // Сучасність. — 2001. — №4. — С. 122—134.
4. Shapiro L. Totalitarianism / Shapiro L. — N.Y.: Praeger, 1972. — 144 p.
5. Чабанна М. В. Дослідження сутнісних рис тоталітарного режиму та зіставлення його різновидів у межах теорії тоталітаризму // Наукові записки. Том 69, Політичні науки / М. В. Чабанна. — К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2007. — С. 11—16.
6. Арон Р. Тоталитаризм и демократия / Арон Р.; [пер. с франц. Г. Семёнов]. — М.: Текст, 1993. — 144 с.
7. Friedrich C.J. Totalitarian, dictatorship and autocracy / C.J. Friedrich, Z.K. Brzezinsky. — N.Y.: Frederick A. Praeger, Inc., Publisher, 1962. — 346 p.
8. Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие) / Цыганков А. П. — М.: Интерпракс, 1995. — 295 с.
9. Tsofnas A. Universalism and parametric systems theory / A. Tsofnas // Dialogue and universalism — No. 5—6. — p. 35—55.
10. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / Уёмов А. И. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
11. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; [пер. с англ. А. А. Юдин]. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 526 с.
12. Уёмов А.И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке / А. И. Уёмов. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 37—52.
13. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / Цофнас А. Ю. — Одесса: АстроПринт, 1999. —

308 с.

14. Уёмов А.И. К проблеме системного анализа понятия иерархии // Динамика и развитие иерархических (многоуровневых) систем (Теоретические и прикладные аспекты): сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции (ТГТТУ, АН РТ, ИЭУП, РИРОО). — Казань, Изд-во ТГТТУ, 2007. — С. 15—24.
15. Riadh T.A. Tyranny and mental health [Электронный ресурс]. — Режим доступа к статье: <http://bmb.oxfordjournals.org/content/72/1/1.full>.
16. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory / A. I. Uyemov // International Journal of General Systems. — Part 2. vol. 31 (2) (2002): 131—151.
17. Платон. Государство / Платон; [пер. с древнегреч. А. Егунов]. — М.: АСТ, 2003. — 381 с.
18. Аристотель. Политика / Аристотель: [соч. в 4-х т.]; [пер. с древнегреч. С. А. Жебелев]. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 376—644.

Митали Л. С. – аспирантка кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК: 122.1+125.6

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена уточнению социально-философского смысла понятия «гендерная идентичность». Проанализированы современные подходы к определению существенных характеристик понятия «гендерная идентичность» в философском дискурсе. Рассмотрен теоретико-информационный потенциал понятия «гендерная идентичность» в методологическом и эпистемологическом аспектах.

Ключевые слова: *гендер, идентичность, гендерная идентичность.*

ОСОБЛИВОСТІ СМИСЛОВОГО НАПОВНЕННЯ ПОНЯТТЯ «ГЕНДЕРНА ІДЕНТИЧНІСТЬ» У ФІЛОСОФСЬКОМУ ДИСКУРСІ

Стаття присвячена уточненню соціально-філософського смислу поняття «гендерна ідентичність». Проаналізовані сучасні підходи до визначення суттєвих характеристик поняття «гендерна ідентичність» у філософському дискурсі. Розглянуто теоретико-інформаційний потенціал поняття «гендерна ідентичність» у методологічному та епістемологічному аспектах.

Ключові слова: *гендер, ідентичність, гендерна ідентичність.*

FEATURES OF SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT OF "GENDER IDENTITY" IN THE PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Article is focused on the refinement of socio-philosophical meaning of "gender identity". Modern approaches to the definition of essential characteristics of the concept of "gender identity" in philosophical discourse are analyzed. We consider an information-theoretic capacity of the concept of "gender identity" in the methodological and epistemological aspects.

Keywords: *gender, identity, gender identity.*

В современной философской науке происходит переосмысление существующих социально-философских положений с учетом новых реалий XXI века. В последние годы в научной литературе отмечается важность гендерных исследований и необходимость их включения в сферу философско-методологического осмысления [2, 4, 5, 11]. Осуществление гендерных исследований позволяет преодолеть абстрактное понимание человека как бесполого существа в главных проявлениях его общественной жизни и сформировать толерантное отношение к миру как к мужскому, так и к женскому [13, с. 77-78].

В западной научной литературе гендерные исследования представлены в работах Дж. Батлера, Г. А. Брандта, С. Бем, К. Делфи, Э. Оукли, Р. Столлера и других.

Среди украинских и российских исследователей, которые занимаются гендерной проблематикой, следует, прежде всего, назвать В. Агееву, Т. Власову, И. Жеребкину, Е. Здравомыслову,